

УЧЕНИК ОТ РЕВО- ЛЮЦИИ

критика слева и критика критики

/rebelzine

ЛИПАТОВ
ДЕГНЕР

Рассматривая Сталина, и то наследие, которое оставил этот человек в результате своей деятельности, неизбежно тяжело сохранять чистоту размышлений и соблюдать эмоциональную дистанцию. Будучи убежденными в том, что Иосиф Джугашвили сочетал большие успехи с преступными ошибками, мы встаем на сторону той марксистской традиции, которая, увы, не находит поддержки у большинства сторонников и противников этой фигуры (в пределах бывшего Советского Союза). Связывая такое положение дел с распространенной шаблонностью мышления, отказывающего реальности в полутонах, мы вместе с тем не можем больше хранить тактическое молчание, чувствуя обязанность в достоверном раскрытии своей позиции, ощущаемой нами верной и более того полезной для марксистов пост-советского (наиболее нуждающегося) пространства.

Следует заметить, что мы не способны рассмотреть Сталина "изнутри". Увы, не доступна науке такая машина, которая способна вытянуть из головы умершего его внутренние помыслы и мотивации, чтобы проверить человека на искренность. Любая критика или апологетика Сталина сводится к анализу его внешних действий, некоторые из которых могут пониматься как положительно, так и отрицательно, в зависимости от того, какая цель преследуется самим анализирующим. Некоторые из таких спорных моментов, мы безусловно поднимем, стараясь дать им собственную оценку. Здесь мы призываем своих критиков трижды подумать, прежде чем подменять наши домыслы домыслами своими. Ясно, что такой стиль не приведет ни к чему, помимо непродуктивной ругани.

Причинять сердечную боль мы начнем тем, кто ослеплен "сиянием вождя" — Сталин зачастую действовал варварски, грубо, часто не проявлял должной деликатности на занимаемой должности, был лицемерным и безмерно властолюбивым человеком. Именно эти качества, в общем, и послужили его возвышению в партии, именно эти качества стали причиной множественных ошибок, которые стоили слишком дорого. Цитируя современный кино-мейнстрим мы можем сказать, что Джугашвили стал лидером, которого мы заслуживаем. Мы считаем, что Сталин был жесток и несправедлив ко многим членам партии, зачастую и к народу, был невнимателен к ходу исторического процесса, охотно позволял обмануть себя лестью, что в конечном итоге привело к власти тех, кто перевел железнодорожные стрелки прогресса в обратный путь.

Сталин, безусловно, не был коммунистическим божеством, которое рисовал из него культ личности, и безусловно не он заслуживает все лавры за успехи советской власти как в мирное, так и в военное время. Однако стоит заметить, что в обожествлении Иосифа Виссарионовича немалую роль сыграли и его противники, стараясь сделать Сета из Осириса. Вместе с тем, именно освобождение этого человека от ореола божественности, понимание границы его личных заслуг и заслуг других деятелей эпохи, а также всего трудового народа, защищают Сталина от многих нападок. К сожалению и увы, в среде нынешних марксистов на пространстве бывшего Союза почти всецело возобладала точка зрения, согласно которой Сталин — больше чем Сталин. Именно поэтому иностранные партии и группы показывают большие успехи в своей деятельности, так как они свободны от этой обширной мифологии, сложившейся исторически именно в нашей стране, а потому они не занимаются теологическими спорами, уделяя больше времени реальным делам.

В чем же обвиняют Сталина более всего? Что служит столько лет основой самой острой критики? Имперская внешняя политика? Убийства политических соперников, бывших сопартийцами Джугашвили? Депортации народов? Национальный поворот? Всевластие бюрократии? Давайте разберемся с каждым из обвинений.

Оппоненты Сталина считают, что во внешней политике последний старался увеличить могущество СССР в отрыве от интересов социалистической революции, более того, препятствовал революции в других странах. В ответ на ту карту мира, что оставил после себя "вождь народов", оппоненты говорят, что разлитая по половине Европы и немалой части Азии красная краска свидетельствует не об умножении власти пролетариата, а лишь об умножении количества подчиненных Москве вассалов. Часто упоминаются Финляндия, Польша, судьба германской революции, отношения с Гоминьданом. Сталину вменяется дружба с нацистами и империалистами, шовинизм в международных отношениях и грезы о построении настоящей Империи.

Разумеется, совсем не редко за таким взглядом на вещи стоит искренняя убежденность, основанная на некоторых фактах. Лишь слепая апологетика доходит до отрицания спорности многих из действий Сталина на глобальном политическом поле.

Но с другой стороны, стоит разобраться в самой сути данных претензий: Сталина обвиняют в отсутствии некой преданности принципам, которые исходят из, мягко говоря, радужного восприятия мира. По мнению данных критиков СССР стоило принципиально отказаться от обеспечения стратегических позиций перед реальной угрозой вторжения (в случае с Финской войной, присоединением Прибалтики и Польской кампанией РККА), принципиально отказываться от переговоров с британскими и американскими империалистами после Второй Мировой, принципиально не взаимодействовать с националистическими силами в Китае, чтобы одолеть Японский фашизм? Такая принципиальность могла привести только к самой печальной судьбе для Союза, хотя несомненно, свою чистоту пред величием современных теоретиков он бы сохранил, оставшись очень красивым эпизодом красного "жизия святых".

«Окончательная победа социализма в смысле полной гарантии от реставрации буржуазных отношений возможна только в международном масштабе» — говорит сам Сталин. Но разве не может он лукавить? Верить же ему или нет? Как же отказ от экспорта революции, в котором Сталин старался (безуспешно) заверить руководителей США и Британии? Но почему Сталин не может лукавить здесь, чтобы завоевать пространство для маневра в дипломатии, без которой не обойтись даже самому сильному и могущественному государству, не говоря о Советском Союзе, только вышедшем из состояния аграрных задворков и тут же опаленном разрушительной войной? Вернемся же к этому вопросу усвоив всю совокупность анализируемых фактов.

Разумеется, что здесь совершались и ошибки: на примере Китая мы можем наглядно видеть, как Сталин старался обеспечить власть своему сталиннику Ван Мину, как он оказывал давление на Китайскую революцию из-за страха ослабить буржуазное, но все-же союзное государство в регионе, а так же повторения “титоистского” сценария. Здесь мы возвращаемся к тому, что Джугашвили не был божеством и не был застрахован с ошибочных действий. Таким действиям не может быть оправдания, но не может быть и полного его отсутствия. Навяная вера в то, что от таких ошибок бы могла уберечь смена некоторых кадров (высшего из них, в первую очередь) не может быть воспринята всерьез. И конечно, приме Китайской революции не единственный, но мы проявим уважение к формату сейчас и впредь.

Вполне понимаем мы нападки на Сталина за путь, которым он шел для получения главной роли в партии и стране, которым продолжал следовать для упрочнения своего положения. В действительности — делалось это грязно и лицемерно, в действительности — чужд сей путь для марксист В идеале.

Но критиковать за это следует не Сталина, а точнее не его одного. Те, кто любит плакать о “Ленинской гвардии” забывают об обратной стороне вопроса, а именно о том, что именно эта “гвардия” привела Сталина на место лидера. Интриги Джугашвили были бы невозможны, если бы верхука партии большевиков не принялись дробиться на группы соперничающих заговорщиков. На месте Сталина могли бы быть и Бухарин, и Зиновьев, и Троцкий, но по ряду (вполне объективных) причин история повернулась лицом к Кобе. Мы считаем, что данный вопрос является одним из краеугольных для будущего марксизма во всем мире, а проблему прежде всего необходимо честно признать. Возложение всей ответственности за внутрипартийную борьбу на единственного человека, ее победителя, вредоносно. Такой недалекий подход закрывает глаза на само явление подвергая судьбу любой партии опасности.

«Во всяком случае, уже в то время, когда эта борьба происходила внутри партии, и я был её свидетелем, для меня как и для всех большевистских верхов, была ясна лживость и надуманность большинства разногласий. Нужно было повергнуть соперника и завладеть властью. Но нельзя было иметь такой вид, что это безыдейная борьба пауков в банке» — Николай Бухарин

Справедливо заметим, что выходы из данной ситуации были уже замечены с противоположных позиций — одна часть левых полагает, что необходимо уйти от принципа партийного руководства революцией вообще, другая провозглашает концепцию научного централизма, который должен уберечь партию от демагогии и добиться единства вокруг максимально известной истины.

Оба подхода имеют за собой основания, но не лишены и изъянов. Наиболее разумным, достойным усилия шагом, была бы попытка соединить оба принципа, возвращаясь к доброй марксистской традиции и вместе с тем выводя ее на новые высоты. Сегодня мы не столкнемся с проблемами начала XX века, и в распоряжении наших большие возможности как в деле просвещения широких масс и привлечения их к непосредственному руководству пролетарской диктатурой, так и в разработке таких методов управления хозяйственной жизнью общества, которые исключают человеческий фактор вообще или максимально, подстраховывая от партийного перерождения. Сталин таким путем пойти не мог, и не смог бы пойти никто из большевиков. Критики забывают, что не Сталин породил бюрократизм, а необходимость бюрократизма привела к торжеству Сталина. К сожалению будучи заложником этих обстоятельств Сталин и совершил главную свою ошибку, приведя к вершинам власти ревизионистов. Избежать этого было бы можно лишь на основании опыта, который тогда был еще не изучен в полной мере.

Совсем часто Сталина обвиняют во внутренней империи, стремлении восстановить чуть-ли не царскую Россию с монархическими порядками. Строительным материалом подобных измышлений становится всякое — от известного тоста “за русский народ”, до любви Джугашвили к классическим мотивам в архитектуре и живописи. И самое ядовитое в этом деле то, что с подобных позиций Сталина терзают как его левые враги, так его правые воздыхатели. Однако оба лагеря остаются слепы к другим вещам, таким как объективная ситуация в обществе.

Возьмем к примеру взаимоотношения Советского государства с православной церковью — всякому погруженному в этот вопрос человеку известно, что в период с конца 20-х до начала 50-х эти взаимоотношения менялись, а подчас это происходило невероятно резко. Однако помимоторванных от общей картины цитат, свидетельств и домыслов, существует исторический контекст этих взаимоотношений. Церковь была несколько реабилитирована, поставлена на ноги и взята под опеку не просто по зову сердца Иосифа Виссарионовича, но с холоднокровным расчетом, так как это помогло уберечь некоторую часть народа от перехода на сторону фашизма, который больше всего опирается на национальные и религиозные чувства людей. К большому сожалению национальная и религиозная идентичность не стирается по мановению руки, и если бы мы верили в обратное — мы бы были утопистами. Убедительности этому доводу должно добавить то, что после войны церковь начала вновь ощущать на себе давление, однако происходило это уже мягче, с учетом всех действующих в стране факторов. Эта ситуация показательна и других, схожих вопросах — на каждый шаг назад в национальной политике была причина, будь то уровень сознательности масс или же военные действия. Конечно, позволительно говорить, что обойти эти проблемы можно было иными путями, перевозимая условия, однако другого опыта у нас не было, и судить о его успешности можно лишь опираясь на теоретические измышления — всегда красивые на устах и бумаге.

Существовал ли у Сталина коварный план вернуть в стране капиталистические, а может даже и помещичьи порядки? Конечно, залезть в голову Иосифу Джугашвили, и провозгласить подобное может всякий, однако исторически установленная практика доказывает ровно обратное. Никакая лепнина на зданиях не может противостоять тем преобразованиям, которые были проведены трудовыми массами во время жизни и правления Сталина. В любом случае, крупнейшим достижением этой эпохи стала индустриализация, проект которой был заимствован Сталиным у левых оппозиции. Почему же этому не рады “левые оппозиционеры” нынешнего дня? Они горюют по своим вождям, оттеняя культ личности. Мы же призываем разрушить эти культы, очеловечив всяких лидеров. Такой призыв не может обойтись без готовности принять правду с ее ведрами торжественного шампанского и позорного навоза, без готовности понять самоотверженную гениальность в соседстве глупостью и порочностью.

Однако всякое слово выше разбивается вдребезги, если мы не раскроем самого главного вопроса, если не охарактеризуем то общество, которым был Советский Союз в эпоху Сталина. От “Деформированного рабочего государства” до “Государственного капитализма” — как много укромных нор породила анти-сталинская линия в оправдание своей политической фрустрации. Заглянем за ширму этих изысканий, и постараемся дать им основательный ответ:

С именем Сталина в российской и мировой политической мысли традиционно связан целый пласт неуместных нагромождений. Страх, рождаемый в захолах исторических аналогий, нависает, точно ночные кошмары, над интересами нынешних сторонников революции. Кошмары об уничижении революционного режима его вчерашними защитниками и под прикрытием пафосных, формально революционных речей. Когда в условиях политической борьбы, оппоненты сравнивают друг друга с отжившими призраками прошлого, когда они выкапывают из могил кости окаменелой древности, не отражает ли это, в сущности, господство реакционного сознания? На протяжении всего периода руководства большевистской партией Иосифом Сталиным, советской реальности приходилось сталкиваться с дежурным, в некоторой степени скептицизмом, с «фантомом термидора», с внутрипартийной оппозицией. Сталина критиковали адекватно отрезку времени, одна на своем беспокойном пути критика потерпела неудачу. В чем было дело? Претензии к Сталину всегда были необоснованными? Дело заключалось в ином: критика Сталина не являлась критикой Сталина-революционера / или Сталина-большевика — она являлась критикой Сталина-контрреволюционера, что в полном смысле слова неправильно. Возможно, это случилось потому, что оппозиция старалась грубо очернить авторитет Сталина, прибегая к любым доступным обвинениям? Эти обвинения пухли под палящим солнцем наповской политики и не случайно превратились в гниющий труп, раскинутый среди партийных кулуаров. По понятным причинам оппоненты Сталина совместили свою субъективную неприязнь к этому человеку с реальными партийными ошибками во власти. Стоит ли говорить о том, что процесс подобной критики никак не мог быть беспристрастным? Над левой оппозицией нависло дуло карающей винтовки, но была ли она орудием тревожных перемен, свидетелем, в исторической перспективе, спуска к буржуазному режиму? Мы считаем, что нет. Поначалу казалось, что опасения перерождения диктатуры пролетариата в абстракцию имеют под собой реальные основания, однако на деле они не оправдали себя, все больше расходясь действительностью, хотя им и было суждено оккупировать множество перерезавших умов, негативно настроенных по отношению к личности генерального секретаря. В данном материале мы предпримем попытку здраво взглянуть на Советский Союз под разными углами в эпоху сталинского руководства.

Прежде чем приступить к раскрытию характерных признаков советского экономического строя, прежде чем затронуть вопрос относительно их классовой сущности, мы вынуждены, сдувая пыль прошлого, обратиться к той базовой проблеме, из которой следует, с необходимостью, основная часть тревожных ошибок. Проблема наша звучит следующим образом: «Возможно ли построение социализма в одной, отдельно взятой стране?». Действительно, нельзя было бы дать адекватную оценку Советскому Союзу, нельзя было бы признать за этим государством социалистической опоры, если бы мы не знали решительного ответа на данный вопрос. Помимо прочего, сложность политэкономического осмысления СССР заключается в том, что сам капитализм, и его отражение в идеологической надстройке, поставили себе в покорное служение грезящих психотическими симптомами классического гуманизма, исследователей советского строя. Понятно, что исторический анализ не может иметь субъективной заинтересованности в том или ином результате изучения объекта, иначе его научный характер просто-напросто испарится в газовом облаке логических ошибок. Следовательно, примем во внимание, что некоторые выводы магистрального направления критической мысли, относящиеся к Советскому Союзу, фальшиво преувеличены. Это требуется запомнить.

Вопрос о победе социализма в одной, отдельно взятой стране имеет большое значение. Полагать, что организация социалистического общества силами одной страны, без уверенной победы пролетариата в других странах, — невозможна, конечно, неправильно. При диктатуре пролетариата у отдельного государства есть все необходимые ресурсы и все объективные возможности, чтобы воплотить социалистические принципы своеобразного альтернативного пространства, чтобы сокрушить старые порядки, чтобы преодолеть, вполне твердо, группу сложившихся внутренних противоречий. Без возможности строительства социализма в одной стране, строительство социализма есть и будет строительством без перспективы построить социализм, бессмысленным строительством, ориентированным вовнутрь себя, самоцелью. Вероятно, отчасти поэтому троцкисты затерялись, словно в дремучем лесу, в своих бесконечных «переходных периодах»? Пожалуй. Обратимся к Ленину. Все что он говорит о победе социализма в одной, отдельно взятой стране: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств. Получается, что в серьезном вопросе о строительстве социализма, в вопросе о возможности построить социализм, в таком вопросе троцкист идет против Ленина, против ленинских взглядов, т.е. шагает по пути ревизионизма? Получается так. Вся ответная аргументация троцкистическая неслабее уже, точно хрупкие плотины, на первых порах ураганом пролетарских достижений. Успешное строительство социализма в России, — утверждают троцкисты, — невозможно ввиду технической отсталости этого государства? Индустриализация. Внутренние конфликты между пролетариатом и крестьянством приведут к смерти всей советской политической системы? Коллективизация. На каждое шаткое сомнение троцкистской оппозиции практика Советского Союза отвечала продуктивным движением к социализму. Движением наперекор всему. Для подобной аргументации достаточно было усилий одной страны, — вот что нам необходимо усвоить, вот что нам следует держать в уме, обращаясь к истории СССР. Суммарный ход развития Советского Союза наглядно продемонстрировал, показал на живых примерах, что трудовой народ был прав, доверившись партии, а троцкистская оппозиция была не права.

Для того же, чтобы понять классовый характер советского государства в период руководства коммунистической партией Иосифом Виссарионовичем, нужно понимать природу фундамента, на котором это государство держалось. В общих чертах ее (природу) можно объяснить несколькими положениями: централизация управления экономикой; огосударствление средств и предметов труда, земли, промышленности, транспорта и связи; ликвидация частной банковской системы; монополия внешней торговли; общегосударственное планирование, и все это в совокупности, при господствующей форме политической власти, выражающей интересы рабочего класса, собственно — при диктатуре пролетариата.

Одной из основ капиталистического хозяйства является частная собственность. Это мы все знаем. В советском государстве ей на смену пришли две другие формы собственности: государственная собственность, которая закреплялась в совокупной промышленности, и коллективная собственность, которая закреплялась в области сельского хозяйства. Но нельзя, очевидно, приравнивать социалистическое общество к государству средств и предметов труда, экономически осуществленное рабочим государством (см. Конституция СССР 1936 г.: Статья 5; Статья 6), через которое значительная часть общества, а значит и каждый трудящийся гражданин в отдельности, берут в свое владение все производительные силы — к административному, механическому огосударствлению, слиянию финансового капитала с государством, которое, в известных масштабах служит лишь фискальным целям, интересам одного только упрощения роли и позиций государственной буржуазной монополии в сфере рынка. Если бы мы усматривали тождественность этих двух типов огосударствления, — некоторые «коммунисты», поверьте, грешат и подобны — то невозможно было бы понять, в таком случае, где же пролегает грань разницы между более сложным социалистическим методом огосударствления, и первой российской алкогольной монополией, учрежденной Иваном III в 1474 году? Именно от такового отождествления предостерегал нас Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге». Именно такое отождествление сегодня слепо продвигается частью троцкистских групп.

Попытки национализации некоторых сфер экономики, такой национализации, которая полностью была бы совместима с общим господством капитала, не есть, между тем, нечто сверхъестественное, а иногда даже окончательно необходимое для тотального, завершенного развития капитализма в условиях внешней империалистической политики и политики милитаризации, в условиях общего кризиса капитализма. Синте отдельных частнособственнических монополий и акционерных обществ под начальствующей рукой государства — это именно то, к чему плетется и рядом, путем вмешательства в свободную конкуренцию, приходят буржуазные правительства европейских государств конца XIX — начала XX вв., стало быть, переклюкая разрозненную государственную машину в «совокупный капитализм». Пример практического осуществления этих попыток можно усмотреть нашему читателю, пожалуй, ярче всего в нынешней реформистской политике Правительства Российской Федерации. Оно, как мы знаем, осуществило монополизацию сети железных дорог постановлением от 2003 года. Была ли такая монополизация транспортной инфраструктуры социалистической? Отнюдь. На деле она была лишь огромным накоплением капитала, присвоением прибавочной стоимости и концентрацией производства в интересах эксплуататорского класса.

Сфера отношений к средствам и условиям производства — вот, что определяет классовый характер производства, а вслед за этим классовый характер социально-экономических отношений и всей социально-экономической формации вообще. Национализация корпоративных предприятий, — т.н. компаний, — никоим образом не уничтожает капиталистическую сущность экономики. Национализация сама по себе не делает буржуазную экономику социалистической. Но буржуазные государства никогда не осуществляли и не пробовали осуществить полного огосударствления всех средств производства. Даже для государственно-монополистического капитализма подобное было бы просто немислимым шагом. Советский же тип организации труда потому и являлся социалистическим, что частная собственность на фабрики, заводы, землю, банки, транспортные средства и проч. была полностью ликвидирована и заменена собственностью, в некотором роде, общественной. Как в таких условиях собственность на средства производства, крупную промышленность или иное имущество могла оставаться в частных руках элементов социально-классовой буржуазии (обеспечивая государственно-социалистический характер СССР в лучших традициях Фердинанда Лассалья); как могла сохраняться под пальмовой листвой и в болотном камуфляже буржуазная, юридически-закрепленная защита частной собственности, если таковой класс, бесспорно, уже был напрочь отстранен от власти и экспроприрован — остается также непонятным. Или у нас вдруг, на пустом месте, возник новый, антагонистический наемным трудящимся, класс (каста/прослойка)? Все верно.

**«Социализм — это
государственно-капиталистическая
монополия, обращённая на пользу
всего народа и постольку
переставшая быть
капиталистической монополией» —
Владимир Ленин.**

Как обстоит дело на этот счет у Троцкого?

Несмотря на «пролетарский базис», диктатура пролетариата, с точки зрения Льва Давидовича, была заменена в Советском Союзе, по прошествии определенного количества лет, диктатурой партии, «диктатурой аппарата» или «диктатурой над пролетариатом». За основными социалистическими достижениями революции (новые отношения собственности) поспешила вскоре, — рубежом позволительно назвать XIII съезд большевиков, — т.н. «термидорианская реакция», по характеру напоминающая механику бонапартистского переворота времен Великой французской буржуазной революции. «Бюрократия, — пишет Троцкий, — экспроприровала пролетариат политически». Держаться подобного взгляда значит полагать, что коммунистическая партия от пролетариата осуществляла функции насилия и диктатуры в отношении собственного же класса. А доверие рабочих она (партия) завоевывала, похоже, благодаря божественному вмешательству? Ведь получается, что постановление ЦК ВКП (б) «О реорганизации управления промышленностью», масштабные программы индустриализации и коллективизация крестьянских хозяйств, организация народнохозяйственного общепланового производства, вытеснение капиталистических производственных отношений — это у нас диктатура над пролетариатом! На момент 1924 г. в партии большевиков, к сведению, состояло до 70% трудящихся. Подозреваю, что их туда тоже загоняли розгами? Чепуха. Насколько нещадной, в целом, должна была быть «эксплуатация» рабочих и колхозников внутри Советского Союза, насколько превышать она должна была уровень той же эксплуатации в капиталистических странах, если, взглянув на таблицу темпа роста производительности труда рабочих в промышленности СССР, США, Англии или Франции (в процентах к 1913 г.), мы видим следующие цифры:

**«Партия
есть
высшая
форма
классово-
го объеди-
нения
пролетариата» —
Владимир
Ленин.**

И это притом, что опыт Советского Союза показывал регулярное уменьшение длительности общего рабочего времени параллельным снижением цен на продукты потребительского спроса. А ведь каждый лишний час работы закономерен увеличивает пропорции прибавочной стоимости, равно как и прибыль предпринимателя. Положение современного рабачего, который вынужден трудиться свыше нормированных Трудовым кодексом 40-ка часов в неделю, — понятное следствие рыночной экономики. До тех пор, пока политическая власть находится в руках капиталистов, те будут удлинять рабочий день. Наряду с этим, сам рабочий будет получать меньше объективной стоимости своего труда. Кажется, ясно. Одна рост реальных доходов рабочих СССР по сравнению с дореволюционным периодом сильно возрос (с учетом полной ликвидации безработицы; с учетом сокращения продолжительности рабочего дня; за вычетом налогов: в 5,8 раз). Доля расходов на квартирную плату и коммунальные услуги, достигавшая до революции более 20% бюджета рабочих, а в ряде случаев одной трети заработка, уменьшилась в 5—6 раз. Кроме индивидуальной заработной платы, рабочие СССР получали значительные суммы за счет государства в виде выплат по социальному страхованию, различных пособий, пенсий, стипендии оплаты отпусков, бесплатного обучения, бесплатного медицинского обслуживания и т.д. По приблизительным подсчетам: все выплаты и льготы, получаемые рабочими сверх индивидуальной заработной платы, увеличились к 1953 г. по сравнению с 1913 г., в сопоставимых ценах более чем в 20 раз. Но в таком случае у нас выходит, что советский государственный аппарат изобрел какие-то принципиально новые модели эксплуатации человеческого труда? Выходит, что так. А может не быть никакой «эксплуатации»? А может не было никакой «диктатуры над пролетариатом»? Вспомнить, что допущенные Троцким противоречивые выводы относительно «экспроприации пролетариата» с необходимостью приводят лишь к двум надлежащим убеждениям, что либо а) в СССР у власти стоял трудовой народ и только он, и тогда все измышления вынуждены опираться в частные вопросы, а на этом далеко не уедешь; либо б) в ходе бюрократической контрреволюции у власти СССР оказался новый класс/прослойка высшего партийного руководства

Полностью подменить диктатуру пролетариата диктатурой партии нельзя хотя бы потому, что партия выполняет исключительно руководящую должность, роль, возложенную на нее, как на главную организующую силу всего рабочего класса. Партия рабочих постольку и является партией именно что рабочих или партией от рабочих, не по названию одному, но и своей сути, поскольку направляет, проводит диктатуру именно трудящихся, именно рабочего класса, а не класса, и притом торговой буржуазии. Партия хоть и является, конечно, связующим звеном, авангардом всего рабочего класса и крестьянских масс, но она сама еще не является классом, что надо понимать, партия не есть трудовой народ во всем его объеме, она не может подменять собою трудовой народ. В системе диктатуры пролетариата только коммунистическая партия может держать на плечах своих всю полноту ответственности в борьбе за строительство социализма и за свержение капиталистических отношений собственности. Это верно. Но Коммунистическая партия Советского Союза осуществляла эту борьбу через советский аппарат, через Советы депутатов трудящихся. Партия не может и никогда не могла самостоятельно править государством в обход того класса, который является ее социальной базой. Диктатуру осуществляли сами рабочие, организованные как класс, и попросту ведомые большевистской партией

Неправильно было бы полагать, в сущности, что власть принадлежит главам государства или главам правительственных канцлеров или монархам, парламенту или министрам. Представительная «власть» отдельной группы людей, — государственных служащих, — всегда опирается на насилие в отношении одного класса и на утверждение всяческих привилегий для другого. В капиталистическом обществе такими двумя классами, в отношении одного из которых осуществляется притеснение и власть, а в отношении другого — реализация интересов, являются, следовательно, класс пролетариата и класс буржуазии. В обществе пролетарской диктатуры эти два класса меняются своими изначальными позициями. Хотя по своей природе диктатура пролетариата коренным образом и отличается от всякой предшествующей диктатуры эксплуататорских классов: диктатуры буржуазной, феодальной или рабовладельческой; это все же диктатура, т.е. насильственная власть в отношении капиталистов, власть большинства над меньшинством, реализуемая всецело ради построения социалистического общества. Но что из этого следует? То, что упомянутые ранее государственные деятели, якобы обладающие всей полнотой власти, на самом деле проводят власть того класса, который является их социальной базой, и будучи, так сказать, определенным общественным коллективом, не способны лично узурпировать власть

Де-факто конституция всегда (!) — это закрепленные законом интересы конкретного господствующего класса, постольку закрепленные, поскольку выгодны этому самому классу. Конституция США от 17 сент. 1787 г., как основной нормативный правовой акт, выражала коллективные интересы помещиков-рабовладельцев, т.е. юридически закрепляла именно их руководство и доминирование (так, например, права голоса были лишены чернокожие, женщины и все те, кто не обладал землей). То бишь конституция, опираясь на насилие как средство, однозначно защищает тот общественный порядок, который выдвигает непосредственно властвующему классу. Никакая конституция не мыслима без утверждения в ней некоторых классовых интересов. Соответственно, никакая конституция в полном объеме не может существовать без натурального существования классов. В условиях отмирания классов, право неизбежно отмирает точно так же, как отмирает само государство. Этим основополагающим истинам марксизма были известны, пожалуй, всякому средне-образованному коммунисту. Но они, судя по всему, были не до конца известны троцкистам. Конституция СССР от 31 янв. 1924 г. и Конституция СССР от 5 дек. 1936 г. в том числе выражали интересы конкретного правящего класса, то есть класса рабочих. Именно поэтому СССР являлся социалистическим государством, государством, в котором у «власти» стояла большевистская коммунистическая партия — революционный авангард трудящихся города и деревни. Однако господа троцкисты предпочитают до сих пор наивно путать государственных деятелей, служащих воле класса, и непосредственных обладателей власти. Диктатуру в СССР, при руководстве партии Иосифом Виссарионовичем, не осуществляла партия, не осуществляла хозяйственная прослойка номенклатуры и, в тем более, не осуществлял «вождь» — ее осуществлял класс рабочих, обучаемый революционному руководству (число образовательных учреждений после революции возросло, примерно, в 190 раз), и движимый коммунистической партией в интересах социалистического строительства, т.к. партия — это, несомненно, главный учитель трудящихся всего мира в их коллективной борьбе

Теперь перейдем к системе Монополии внешней торговли и валютной монополии — дополнительной особенностью рабочего государства. Монополия была введена на основе декрета Совета народных комиссаров «О национализации внешней торговли», подписанного лично В.И. Лениным. Сущность ее состояла в том, что она, имея своей главной задачей отражение экономической интервенции передовых капиталистических государств, соответственно, способствовала наиболее продуктивному развитию всей социалистической экономики. Защищая экономику от значительного падения производства в условиях окружающего товарного оборота, Монополия внешней торговли сводила на нет любые, неизбежно следующие при воздействии мирового рынка, результаты колеблющихся капиталистических экономик (всегда нацеленных на получение сверхприбылей), и результаты производства товаров, в некоторых таких народных хозяйствах, сверх платёжеспособного спроса. Это означает, что только государство имело право совершать внешнеторговые сделки и только оно могло контролировать этот процесс в интересах общества. В законодательном порядке исключительное право по вопросу внешнеторговых операций закреплялось, тем временем, за Министерством внешней торговли. Вытекающая из государственной Монополии внешней торговли и дополняющая ее государственная Валютная монополия выражалась в исключительном праве государства на совершение всех операций с золотом и иностранной валютой. Она обусловлена была самой природой советской экономической системы, основанной на социалистической собственности на средства производства и плановом ведении хозяйства

Это понято

В буржуазных государствах, ядром которых является принцип свободы частного торгового предпринимательства, Монополия внешней торговли не могла (и не может по существу) иметь центрального места, так как она противоречит всему политическому и экономическому укладу этих государств. Значит ли это, что буржуазные государства проповедают политику невмешательства правительства в дела регулирования внешне товарообмена? Нет, не значит. Значит ли это, что буржуазные государства не прибегают, в той или иной степени, и, с той или иной интенсивностью, к Монополии внешней торговли? Нет, не значит. Значит ли это, в конце концов, что Монополия внешней торговли не затрагивает буржуазные интересы накопления в государственном секторе экономики? Нет, не значит. Следовательно, Монополия внешней торговли не есть окончательно социалистическое достижение? Отнюдь. Разумеется, это социалистическое достижение. И вообще достижение, неповторимое ни при господствующей форме государственно-монополистического капитализма, ни при монополистическом капитализме как таковом. Почему? Потому что буржуазные государства регулируют импорт и экспорт товаров и ресурсов через и при помощи таможенной охраны. В противоположность данному подходу, В.И. Ленин еще в 1922 г., в одном из своих писем к декабрьскому Пленуму ЦК, указывал: «...никакая таможенная политика не может быть действительной в эпоху империализма и чудовищной разницы между странами нищими и странами невероятно богатыми ни о какой серьезной таможенной политике сейчас, в эпоху империализма, не может быть и речи, кроме системы монополии внешней торговли. Что это значит? Это значит, что советское государство оказалось бы в невероятно затруднительном положении, что оно не способно было бы эффективно бороться против иностранной экономической интервенции, если бы не предприняло более совершенного подхода в планировании внешнего торгового оборота, подхода, который заменяет собой неэффективные, традиционные для капитализма, таможенные пошлины. Этот подход и стала система Монополии внешней торговли».

Если разобраться, разногласия между экономическим режимом автаркии (ее Советским вариантом) и международным трендом открытой экономики — это разногласия между социализмом и капитализмом. Вот почему, дорвавшись до власти, такие ревизионисты как Хрущев с жадностью напали, будто стая диких коршунов, на обусловленную вынужденными обстоятельствами автаркию.

Ни одно из индустриальных капиталистических государств никогда не шло по советскому пути осуществления внешнеторговой монополии. Это надо учитывать. Ни одно из них не воплощало Монополию внешней торговли теми средствами и в тех масштабах, которыми ее воплощало советское государство. Даже британский троцкист-«госкаповец» Тони Клифф бессознательно, но признает факт качественного отличия советской торговой политики от торговой политики буржуазных стран: «Товарный состав нынешней торговли между Россией и ее сателлитами весьма отличается от того, что наблюдается в торговле между промышленной империалистической державой и ее аграрными колониями. Так, притом что Британия — великий импортер сырья и продовольствия из своих колоний и поставляет им промышленные товары, и подобные же отношения были между Германией и странами Восточной Европы до Второй мировой войны, Россия и экспортирует, и импортирует первичные продукты и промышленные товары в торговле со своими сателлитами». Чего Клифф не понимает, так это того, что подобные рассуждения заводят его в тупик. Ведь из этого, стало быть, явствует, что в СССР у нас был государственный капитализм, не эксплуатирующий экономически свои страны сателлиты? Какой удивительный капитализм, прямо как из либеральных сказочек!

К тому же, внутренняя сущность Монополии внешней торговли исходила из общеплановых задач всего социалистического строительства. Невозможно было правильно осуществить планирование хозяйства, оставив позади отрасль внешней торговли. Для наглядного понимания принципиальности советского и буржуазного подходов, и достигнутых при их помощи результатов, обратимся к некоторым таблицам:

а

Годы	Exp:	Imp:	Оборот
1913	1 192	1 078	2 270
1924	264	204	468
1925	477	648	1 125
1928	630	747	1 377
1929	724	691	1 415
1930	812	830	1 642
1931	636	865	1 502
1932	451	552	1 003
1933	389	273	662
1934	328	182	510
1935	288	189	477
1936	244	242	486
1937	295	229	524
1938	230	245	475
1939	104	167	271
1940	240	245	485
1945	243	2 514	2 757
1946	588	692	1 280
1947	682	661	1 343
1948	1 167	1 092	2 259
1949	1 291	1 330	2 621
1950	1 615	1 310	2 925
1951	2 061	1 792	3 853
1952	2 511	2 255	4 766
1953	2 653	2 492	5 145

а) Оборот внешней торговли (в ценах соответствующих лет, с пересчетом иностранной валюты в рубли по курсу с 1 января 1961 г.; миллионов рублей)

б) Развитие внешнеторговых связей (в ценах соответствующих лет; с пересчетом иностранной валюты в рубли по курсу с 1 января 1961 г.; миллионов рублей)

Г о д ы	1946	1958	1959	1960
Весь объем внешней торговли	1 280	7 783	9 463	10 073
с соц. странами	698	5 740	7 122	7 213
Экспорт	588	3 868	4 897	5 003
в соц. страны	341	2 822	3 711	3 725
И м п о р т	692	3 915	4 556	5067
из соц. стран	357	2918	3411	3 488

Почему, спрашивается, советское государство достигло этих результатов (не будем забывать о сложной внешнеполитической ситуации в те годы, в которые осуществлялись торговые отношения с границей)? Потому ли, что оно не являлось в сущности социалистическим? Потому ли, что Монополия внешней торговли в СССР, как и в других капиталистических странах, носила всего-навсего протекционистский характер, была лишь мерой отечественной промышленности против зарубежных конкурентов? Потому ли, что Монополия внешней торговли просто свидетельствовала о наличии рыночных отношений? Абсурд. Монополия внешней торговли была чисто социалистическим решением, тем решением, на осуществление которого не могло пойти ни одно из капиталистических государств. Капиталисты бежали, как черти от ладана, от Монополии внешней торговли. Если бы мы сейчас, ради эксперимента, предложили промышленным капиталистам передать все права на все внешнеторговые операции в руки государства, то они бы буквально надорвали свои животы от смеха. И не без причины. Монополия внешней торговли, реализуемая всецело, беспрекословно, противна нутру всякого капитализма. Но пресловутая советская номенклатура у нас почему-то именно этим как раз разрушала социалистический характер советского хозяйства!

Противникам политической фигуры Сталина не понятно, что Монополия внешней торговли находилась в единой связи с общехозяйственным планированием. Им невдомек, что она была, так сказать, совершенно необходимым звеном этой цепочки, что без монополии на внешнюю торговлю все социалистическое планирование хозяйства рухнуло бы точно картонный домик.

Или, может быть, нам плановый экономический порядок СССР рассматривать по итогу как что-то капиталистическое? А почему бы и нет? Разве процесс планирования не присущ капиталистическим предприятиям? Разве не выполняется ими оценка собственных ресурсов и их перспектив, анализ динамики производства и потребления? Разве стратегическое, тактическое и оперативное планирование не отражено в задачах любого из таких капиталистических предприятий? Совершенно верно. Но можно ли отождествлять подобное частное, конкурентно-ориентированное планирование производства с централизованным экономическим планированием Советского Союза? Можно ли сводить все плановое хозяйство лишь к оптимальному использованию экономических ресурсов? Конечно же нет. Почему? Потому что в первом случае планирование, строго говоря, является не более, чем видом управленческого консалтинга при частнособственническом бизнесе.

Будем ли мы всерьез разбирать несоответствия между бизнес-структурами и глобальной социалистической экономикой? К сожалению. Так вот, установление планового хозяйства возможно только и только лишь при государственной форме собственности, поскольку только тогда появляется возможность единолично централизовать все рычаги контроля и все необходимые ресурсы в руках государства для обеспечения действительно плодотворного составления планов и их выполнения. Невозможно скооперировать разрозненные планы отдельных капиталистических фирм ради их объединенного и всестороннего развития в условиях торговой конкуренции. Это такая же нелепица, как если бы во время военного конфликта все солдаты ходили по окопам и делились планами относительно организации боевых действий. Отмечая подобное противоречие, Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» указывал на несходность между организованностью производства на отдельном предприятии и анархией производства во всем капиталистическом обществе, как на антагонизм между пролетариатом и буржуазией. Пока экономика поделена между независимыми частными собственниками, полноценного планирования не получится. Планирование осуществляется буржуазными государствами обособленно, и только в отношении тех отраслей экономики, что существенно, либо полностью, находятся под контролем правительства, поскольку в этих странах однозначно соблюдается принцип неприкосновенности частной собственности. Тем не менее, продолжает существовать принципиальное различие между плановым социалистическим хозяйством и стихийно развивающимся, несмотря на все элементы планирования, капиталистическим хозяйством. Государственное регулирование экономики в рамках капитализма неспособно обеспечить плановое ведение народного хозяйства, однако оно, конечно, приносит реальные выгоды монополистической буржуазии, получающей высокоприбыльные правительственные заказы, субсидии, кредиты и т.д. Получается, общеплановое хозяйство все же представляет собой отличительный элемент социалистической организации экономики? Так и есть. Давайте взглянем на некоторые таблицы:

В

в) Место, занимаемое промышленностью РИ/СССР в мире и в Европе

	1913		1950	
	в мире	в Европе	в мире	в Европе
Вся промышленная продукция	5	4	2	1
Продукция машиностроения	4	3	2	1
Продукция химической промышленности	—	—	2	1
Тракторы (в пересчете на 15-сильные)	поре	поре	1	1
Электроэнергия	8	6	2	1
Уголь	6	5	1	1
Железная руда	5	4	1	1
Чугун	5	4	2	1
Сталь	5	4	2	1
Цемент	5	4	2	1
Шерстяные ткани	—	—	1	1

г) Темпы роста промышленной продукции СССР, США, Англии и Франции (в % к 1913 г.)

Годы	СССР		С Ш А	Англия	Франция
	вся пром.	крупн. пром.			
1913	100	100	100	100	100
1917	71	63	127	85	56
1921	31	21	95	70	55
1928	132	152	165	93	127
1932	267	352	98	82	102
1937	588	816	190	122	114
1940	852	1 172	210	121	111
1950	1 476	2 060	359	148	135
1953	2 143	3 045	438	158	155

Действительно, данный вопрос не может оставлять двузначного ответа. Планомерность развития всего народного хозяйства, несмотря на либеральные выверты троцкистов о «планируемом» или «бескризисном» капитализме, есть экономический закон, объективно присущий только социалистической системе хозяйства. Безработица, цикличность повторяющихся кризисов и кредитование бюджета неопровержимо свидетельствуют о том, что этот закон не действует в условиях государственно-монополистического капитализма. Следовательно, мы делаем вывод, что экономика советского государства была именно социалистической, марксистской, и никакой другой. «Учет и контроль, — как писал Ленин, — если они производятся Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, как верховной государственной властью, или по указаниям, по полномочию этой власти, — учет и контроль повсеместный, всеобщий, универсальный, — учет и контроль за количеством труда и за распределением продуктов — в этом суть социалистического преобразования, раз политическое господство пролетариата создано и обеспечено».

Только действуя в соответствии с комплексным, рациональным планированием на всех этапах хозяйственного устройства, относительно отсталая аграрная страна смогла компетентно выполнить социалистическую индустриализацию и связанную с ней коллективизацию сельских хозяйств, построить сильную промышленную базу под сокращение отставания экономики от индустриальных капиталистических стран. Первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР, принятый в 1928 г. и рассчитанный на период с 1928 по 1933 гг., трансформировал советскую экономику и вывел государство на новые уровни промышленного производства, обеспечив стремительный прирост ВВП (в среднем около 6%), и защитный потенциал этой страны от буржуазных агрессоров рекордно высокими темпами. Пустой иллюзией было бы думать, что такая политика потенциально возможна без прочного союза пролетариата и крестьянских масс. От положения крестьян в исключительно большой степени зависело развитие народного хозяйства СССР. Фактически именно завершение программы коллективизации разрешило в советской стране крупное противоречие между социалистической индустриализацией и единоличным сельским хозяйством. Разбив контрреволюционный, мелкокапиталистический актив кулачества, советская власть ликвидировала последних зажиточных собственников на деревне и укрепила единый народнохозяйственный комплекс страны. В отсутствие сельской буржуазии, оплота капиталистической реставрации, использующей эксплуатацию наемного труда, добросовестные крестьянские массы смогли уверенно перейти в кооперативы и коллективные хозяйства. Крестьяне объединились для совместной обработки земли и более продуктивного управления отраслью. В вопросах производства и распределения, кооперативные хозяйства должны были подчиняться руководству единых государственных экономических планов. Государство, в свою очередь, предоставляло денежные займы, средства, ресурсы, а также услуги Машинно-тракторной станции — техническую и организационную помощь по обработке земли. После освобождения и финального объединения в коллективные хозяйства крестьяне избавились от груза эксплуатации, и их производство крепло с каждым годом:

д

д) Во всех категориях хозяйств; в среднем за год; в сопоставимых ценах

Г о д ы	Товарная прод. сельск. хозяйства	Товарная продукция земледелия	Товарная продукция животноводства
1909—1913	100	100	100
1 9 1 3	113	121	105
1928—1932	113	132	92
1933—1937	141	184	97
1938—1940	166	211	129
1949—1953	184	234	138
1954—1958	266	318	217
1 9 5 9	335	346	314
1 9 6 0	338	348	317

*В процентах к 1909—1913 гг.

е

е) Во всех категориях хозяйств; в среднем за год; в сопоставимых ценах

Г о д ы	Валовая прод. сельск. хозяйства	п р о д у к ц и я земледелия	п р о д у к ц и я животноводства
1909—1933	100	100	100
1 9 1 3	108	112	103
1928—1932	126	137	109
1933—1937	132	157	90
1938—1940	143	156	122
1949—1953	151	164	128
1954—1958	204	213	183
1 9 5 9	240	241	228
1 9 6 0	246	253	226

*В процентах к 1909—1913 гг.

В то время как капиталистический океан штормило тяжелейшими ветрами экономических кризисов, социалистическое хозяйство развивалось без каких-либо препятствий на своем пути. Подтверждает ли сказанное инцидент перевоплощения Советского Союза от старой помещичье-капиталистической системы хозяйства к новой крестьянско-капиталистической? Понятно, что нет. Разумеется, буржуазные страны в земельных вопросах пытались следовать советской модели. Так, 4 апр. 1996 г. законодательный Конгресс США принял акт о сельском хозяйстве, который назывался «Акт о свободе ферм». Промышленная и финансовая буржуазия возобладали над сельским хозяйством, на смену свободному рыночному развитию пришли жесткая регуляция сверху и государственные субсидии. Но так как цены на зерно всё равно продолжали падать, это привело лишь к кризису перепроизводства. Когда американские фермеры столкнулись с тем, что цена на их продукцию уже едва покрывает затраты выработки, это повлекло за собой многочисленные вооруженные протесты радикально-консервативной части фермерских собственников. Несмотря на очевидную склонность к крайне правым взглядам, фермеры выступили лишь как проводники претензионной реакции на неудачный экономический курс государства. Повстанцы заявляли, что противостоят «тирании федерального правительства», требуя передать им в долгожданную собственность землю, которую власти еще давно объявили государственной собственностью. Новый закон с треском провалился. На рубеже XX — XXI -го вв. государственные субсидии в сельское хозяйство США достигли рекордной отметки — 23 млрд. долларов (что больше, чем все расходы на государственное начальное и среднее образование). Однако и этого оказалось мало. Мало, потому что государственно-монополистический капитализм хоть и бьется против одиночных собственников, но делает это только в целях финансовой выгоды, в целях выгоды крупных капиталистических предприятий. Мелкие фермерские хозяйства исчезают. Согласно данным Министерства сельского хозяйства США на 2009 г. в стране около половины общей земельной площади под посевы обрабатывают 10% фермерских хозяйств. Ясно, что советская модель сельского хозяйства достигла иных показателей, иного эффекта, как ясно и то, почему она являлась сопутствующим признаком социализма.

/rebel

Так какие выводы из всего вышесказанного можно теперь сделать?